

К 200-летию М.Ю. Лермонтова

УДК 821.161.1

***НИКОЛАЕВ Николай Ипполитович**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории литературы гуманитарного института филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч. трех монографий*

***ШВЕЦОВА Татьяна Васильевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории литературы гуманитарного института филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске. Автор более 70 научных публикаций*

К ВОПРОСУ О ТОЧНОСТИ ПЕРЕВОДА («Они любили друг друга...» М.Ю. Лермонтова)

В центре внимания авторов – перевод М.Ю. Лермонтовым стихотворения Г. Гейне «*Sie liebte sich beide, doch keiner...*». Мотивы смысловых отклонений от гейновского оригинала уже не раз становились предметом литературоведческого осмысления. Однако сколь-нибудь определенный ответ на этот вопрос до сих пор не сформулирован. По мнению авторов, и гейновское стихотворение, и лермонтовский перевод построены на приеме «неоправданных ожиданий читателя». Именно это создает внутреннее напряжение русского и немецкого текстов. Однако сама природа «ожидания» в русском религиозно-культурном пространстве несколько иная, нежели та, которую имел в виду Г. Гейне, создавая свое произведение.

Сопоставление текстов литературных предшественников Г. Гейне и М.Ю. Лермонтова – И.-В. Гёте и Н.М. Карамзина – в части представлений их авторов о «вечной жизни» позволяют говорить о «неслучайности» лермонтовских отклонений от текста оригинала. Существенные расхождения немецкого оригинала и русского перевода обусловлены глубинными причинами ментального характера.

Ключевые слова: *русская литература, немецкая литература, литературная компаративистика, М.Ю. Лермонтов, Г. Гейне, Н.М. Карамзин, И.-В. Гёте, ментальность, литературный герой.*

Лермонтовские переводы произведений Г. Гейне до сих пор представляют собой одну из наиболее загадочных страниц его творческой биографии. Прежде всего, не прояснены мотивы столь откровенной трансформации оригинальных текстов русским автором. И, несмотря на огромное количество комментариев к этим произведениям, накопленных более чем за 170 лет с момента их написания, простой вопрос, для

чего эти смысловые отклонения от немецкого оригинала потребовались М.Ю. Лермонтову, остается фактически без ответа. Вместе с тем наблюдения над рукописями очевидно свидетельствуют, что эти отклонения (расхождения с оригиналом) усиливались русским поэтом по мере его работы над текстом.

Рассуждения о том, что приведенные в качестве эпиграфа в лермонтовском тексте

«Они любили друг друга так долго и нежно...» первые оригинальные строки гейновского произведения должны были увести читателя от возможности автобиографического прочтения стихотворения [3, с. 244], не выдерживают никакой критики. Совершенно очевидна иная установка русского поэта (тоже отмеченная в литературоведении) на сопоставление текста оригинала и перевода, настойчивое указание на их значимое несовпадение.

Особенно акцентировано несовпадение оригинала и перевода в последних строках. Гейновские герои умерли, так и не заметив этого обстоятельства. Герои М.Ю. Лермонтова свиделись после смерти, но в мире новом не узнали друг друга.

Буквально у Г. Гейне (в подстрочном переводе):

Они любили друг друга оба, но все-таки не
Хотели один другому признаться в этом;
Они смотрели друг на друга враждебно
И хотели прогнать любовь.

Наконец они расстались и виделись
Снова только, находясь, во сне;
Они были давно мертвы,
И вряд ли знали об этом сами.

У М.Ю. Лермонтова:

Они любили друг друга так долго и нежно,
С тоской глубокой и страстью безумно-мятежной!
Но, как враги, избегали признанья и встречи.
И были пусты и хладны их краткие встречи.

Они расстались в безмолвном и гордом страданье
И милый образ во сне лишь порою видали.
И смерть пришла: наступило за гробом свиданье...
Но в мире новом друг друга они не узнали [4, с. 118].

Несомненно, оба автора в завершающих строках своих стихотворений стремятся подчеркнуть трагическую бессмысленность прежней жизни героев, для которых смерть не принесла никаких ожидаемых перемен. Напряженное ожидание счастливого исхода жизни в русской и немецкой версиях создает нервный узел, источник высокого эмоционального напряжения.

В этом смысле произведения совершенно идентичны. Для Лермонтова-переводчика важно было передать эту атмосферу напряженного ожидания, которому не дано сбыться, и фатального разочарования, следующего за этим. Но по своему содержанию ожидания героев, несомненно, разнятся, и причины этого следует искать в русской и немецкой литературных традициях.

За полвека до появления упомянутого произведения Г. Гейне в литературной жизни Германии (как и всей Европы) произошло значительное по глубине потрясения событие – публикация романа «Страдания юного Вертера» Гёте (1774), сентиментальный герой которого кончает жизнь самоубийством. Непосредственным мотивом добровольного ухода Вертера в мир иной становится неразделенная любовь. Спустя почти два десятилетия (в 1792 году) уже русский автор Н.М. Карамзин опубликует свою знаменитую повесть «Бедная Лиза», судьба героини которой будет воспринята читающей Россией как высшее откровение.

Не вызывает удивления некоторое сходство мотивов двух самоубийств литературных героев. Неразделенная любовь – вполне закономерный объект литературного внимания авторов эпохи сентиментализма независимо от их национальной принадлежности. Но на этом фоне значительными представляются некоторые существенные различия в трактовке мотивов поступков героев русского и немецкого сентиментализма.

Любопытно отметить, что произведение Гёте содержит в себе как бы в свернутом виде сюжет, который лежит в основе повести Н.М. Карамзина. Речь идет об эпизоде из эпистолярных записок Вертера, датированных 12 августа и содержащих диалог его с Альбертом. Герой вспоминает историю девушки, которую «недавно вытащили мертвой из воды», и пересказывает ее. Вот выдержки из этого пересказа: «Милое юное создание, выросшее в тесном кругу домашних обязанностей, повседневных трудов <...> но вот в пылкой душе ее пробуждаются иные,

затаенные желания, а лесть мужчин только поощряет их <...> наконец, она встречает человека, к которому ее неудержимо влечет неизведанное чувство; <...> она забывает окружающий мир, ничего не слышит, не видит, не чувствует, кроме него, и рвется к нему единственному. <...> наконец она раскрывает объятия навстречу. <...> Она не видит ни божьего мира вокруг, ни тех, кто может заменить ей утрату, она чувствует себя одинокой, покинутой всем миром и, задыхаясь в ужасной сердечной муке, очертя голову бросается вниз, чтобы потопить свои страдания в обступившей ее со всех сторон смерти» [1, с. 51–52].

Это практически история Лизы, русской девушки, обманутой в своих ожиданиях. С той лишь разницей, что Альберт (собеседник Вертера) моментально оценивает ее немецкую предшественницу как «глупую девчонку» с «ограниченным кругозором». Похоже, именно такую реакцию и ожидает от него Вертер, рассказывая историю.

Что касается карамзинской Лизы, то «глупой девчонкой» ее решится назвать разве что законченный циник, а девушкой с «ограниченным кругозором», пожалуй, никто. Она «сделана» (представлена) принципиально иначе, нежели девушка из рассказа Вертера. Непосредственный мотив, подтолкнувший ее к самоубийству, принципиально иной. В фазе стремительного развития ее отношений с Эрастом она действительно так же, как героиня рассказа Вертера, всецело сосредоточена на своем возлюбленном, отрешена от мира. «Ах! Я скорее забуду душу свою, нежели милого моего друга!» [5, с. 692], – признается она самой себе в это время. Но в момент самоубийства ею движет вовсе не отчаяние, не ослепление утратой. Точнее говоря, она проходит через фазу отчаяния, когда произносит: «Мне нельзя жить <...> О, если бы упало на меня небо! Горе мне!» [5, с. 698]. Но не это состояние становится непосредственной причиной ее смерти. За всем этим последует пауза («...через несколько минут погрузилась она в некоторую задумчивость...» [5, с. 695]), затем проявится впол-

не трезвая распорядительность в разговоре с Анютой («Отнеси эти деньги матушке – они не краденные...»). Все это свидетельствует о том, что самоубийство Лизы – не шаг мимолетного отчаяния, а вполне осмысленное, внутренне рациональное действие. Это глубоко творческий, преобразующий мир акт, поэтому и не вызывающий авторского осуждения. Она не бежит от мира, а напротив, вливается в гармонию культурно-исторического ландшафта, с описания которого Н.М. Карамзин начал свою повесть и фактически завершает ее: «...сичу в задумчивости, опершись на вместилище Лизина праха; в глазах моих струится пруд; надо мною шумят листья» [5, с. 695]. Изменившийся Эраст, который сам рассказал эту историю автору за год до своей смерти, – это еще один результат, явившийся следствием добровольной Лизиной смерти. И наконец, завершающая фраза повести – «Теперь, может быть, они уже примирились!» [5, с. 695] – намекает на счастливую развязку за чертой смерти, где состоится личная встреча возлюбленных, уже свободных от предрассудков и заблуждений земной их жизни. Возможность такой посмертной встречи переживается как награда за земные страдания, вносит в повесть принципиально оптимистическое начало.

Герои Гёте (Вертер и Лотта) тоже иногда говорят о встрече в инобытии, но говорят несколько иначе, с большей долей сомнения. Лотта в записках, датированных 10 сентября: «Мы не исчезнем. <...> Но свидимся ли мы вновь, Вертер? Узнаем ли друг друга? Что вы предчувствуете, что скажете вы?» [1, с. 59]. И тогда (в сентябре), и позднее, перед смертью (в декабре) Вертер даст утвердительный ответ: «Мы не исчезнем! Мы свидимся! Увидим твою мать! Я увижу, узнаю ее, и перед ней, перед твоей матерью, твоим двойником, открою свою душу» [1, с. 115]. Заметим, речь идет о матери Лотты, которую Вертер никогда не видел, т. е. ему предстояло узнать того, кого в буквальном смысле он узнать не мог.

Оба героя Гёте не сомневаются в верности постулата о вечной жизни («Мы не исчезнем!»).

Сомнения касаются лишь самой встречи в ином мире (встретимся/не встретимся; узнаем друг друга/не узнаем). У Карамзина подобного рода сомнения даже не обозначены. Для него, по-видимому, безусловны и встреча, и узнавание. Неоднозначно звучит вопрос о примирении в ином мире, но и он в карамзинской версии скорее решается положительно. Переход в иную жизнь не касается в его понимании фундаментальных причин, связывающих героев повести. После смерти они освобождаются от всего случайного, обусловленного их существованием в социальном мире.

Посмертная трансформация героев Гёте носит более глубокий, существенный характер. Меняется сама природа личности, а следовательно, и межличностные отношения. Поэтому и возникает опасность не встретиться и не узнать друг друга.

Вертеровские предощущения инобытия сопровождаются его личностным растворением в божественной субстанции, «приобщением <...> к блаженству того, кто все созидает в себе и из себя» [1, с. 54]. Но если «все в себе и из себя», то никакая встреча с другим (с Лоттой) по ту сторону бытия невозможна. То, о чем грезит Вертер, – это не личная встреча, а что-то другое, например слияние «перед лицом предвечного» [1, с. 115], когда пространственные и временные границы стираются и возлюбленная и ее мать предстают двойниками, т. е. одним и тем же.

Именно поэтому значительная часть вертеровского текста превращается не в ожидание встречи, а в сентиментальное прощание героя с Лоттой, прощание навсегда. Это то, чего практически нет в тексте повести Карамзина, эмоционально сосредоточенной на ожидании неотвратимой, предустановленной встречи там, за чертой смерти.

Весьма любопытные наблюдения позволяют сделать так называемая «русская вертериана». Это довольно большой пласт русских поэтических текстов конца XVIII – начала XIX столетия, открытых еще В.М. Жирмунским [2, с. 41–49] и позволяющих составить некоторое представление о восприятии романа Гёте, образа Вертера

в русской литературной среде. В них повторяется одна и та же элегическая ситуация: Лотта на могиле Вертера. Она подсказана предсмертным письмом Вертера из романа Гёте: «Когда ясным летним вечером ты взойдешь на гору, вспомни тогда обо мне, о том, как часто поднимался я вверх по долине, а потом взгляни на кладбище на мою могилку, где ветер в лучах заката колыхает высокую траву...» [1, с. 104].

В русских поэтических текстах вертеровская мольба о воспоминаниях преломляется в физически осязаемое присутствие тени героя в знакомых местах и желании соединиться с ним в его гробнице.

Одно такое стихотворение, автор которого подписался «С.», появилось в «Московском журнале» Карамзина в 1792 году.

О, ты вокруг сих мест плачевных
Носящая тень, постой!
Зри тьму страданий бесконечных –
Моею тронься ты тоской!
Смотри, о, Вертер! Как кончает
Стеня Шарлота жизнь свою;
К тебе как дух свой испускает,
В гробницу нисходя твою!..

По счастливой случайности эти стихи и «Бедная Лиза» оказались помещенными в одной, VI части «Московского журнала» за 1792 год. Но объединяет их не только обложка журнала, но прежде всего настроение и идейно-смысловые доминанты. Легко проводится параллель со «стоном» Лизы, слышимым в опустевшей хижине, и ее могилой, к которой приходит раскаявшийся и несчастный Эраст, видимо, желая соединиться со своей возлюбленной. Ничего подобного нет и в принципе не могло оказаться в тексте романа Гёте. Мыслимое здесь Вертером восхождение Шарлотты на гору, воспоминания, взгляд (оттуда, с горы), брошенный на кладбище на могилу Вертера, не совпадает ни с пространственными описаниями русских текстов, ни, что самое важное, со смысловыми их установками.

Русские интерпретации посмертного «общения», взаимоустремленности Вертера и Шарлотты создаются в образах их слышимого, осязаемого, почти физического контакта. Лотта

находит своего возлюбленного особенным образом присутствующим, растворенным в предметном, природном мире, жаждет соединения с ним в гробнице. Это более роднит поэтические тексты с мировоззренческими установками «Бедной Лизы» Карамзина, чем «Вертера» Гёте.

Письмо Вертера – это форма его сентиментального прощания с возлюбленной. Русские поэтические тексты стремятся представить (изобразить) встречу героев после смерти. И это весьма важное различие.

Но вернемся к нашему основному вопросу «Лермонтов–Гейне». Каждое из произведений – гейновский оригинал и лермонтовский перевод – построено на эффекте ожидания разрешения коллизии в заданном литературной традицией ключе. Традиционным и ожидаемым для Гейне является резкое, кардинальное изменение всех фундаментальных составляющих миропорядка за чертой смерти. В момент наивысшего эмоционального напряжения Вертер Гёте произнесет: «Пусть Альберт твой муж! Что мне в том? Он муж лишь в здешнем мире, и значит, в здешнем мире грех, что я люблю тебя и жажду вырвать из его объятий и прижать к себе» [1, с. 115]. В контексте этих рассуждений для Вертера умереть и не заметить смерти означает, что и там, после смерти, Альберт сохраняет свои права на Лотту, а грех в его земном измерении остается грехом и после смерти. Это предельно

обесмысливало бы его поступок – самоубийство, удваивало бы трагичность существования в мире-темнице, из которого нет выхода даже вследствие смерти. Этот сверхтрагизм и бессмысленность существования и стремится передать в своем произведении Гейне, говоря о безнадежно, бесперспективно любящих, которые так и не заметили, что умерли.

Соразмерной этому трагедией для карамзинской Лизы было бы то обстоятельство, если бы, встретив после смерти своего Эраста, она бы его не узнала. Ведь ее самоубийство имело своей целью именно эту встречу, в обстоятельствах, не стесненных социальными рамками. Все ее нравственные усилия оправдываются только этой встречей, и неузнавание в этой ситуации прочитывалось бы как самый нежелательный, трагичный исход. Именно этой человеческой трагедии и посвящено стихотворение Лермонтова.

Несбывшиеся ожидания, надежды – вот что составляет основное содержание произведений Гейне и Лермонтова. Но русский и немецкий авторы оформляют этот сюжет с учетом того литературного контекста, который представляется им наиболее актуальным.

Таким образом, перевод М.Ю. Лермонтовым стихотворения Г. Гейне следует признать в высшей степени точным, однако не по формальным признакам. Это блестящий перевод на другой по своей сути ментальный язык.

Список литературы

1. *Гёте И.-В.* Избранные произведения: в 2 т. М., 1985. Т. 2.
2. *Жирмунский В.М.* Гёте в русской литературе. Л., 1982.
3. *Исрапова Ф.* Об эпиграфе стихотворения М.Ю. Лермонтова «Они любили друг друга так долго и нежно...»: Поэтический перевод как форма осуществления «поэзии поэзии» // *Поэтика заглавия*. Тверь, 2005. С. 239–247.
4. *Лермонтов М.Ю.* Собр. соч.: в 6 т. / под ред. Н.Ф. Бельчикова и др. Т. 2. Стихотворения. 1832–1841. М.; Л., 1954.
5. *Русская литература XVIII века / сост. Г.П. Макогоненко.* Л., 1970.

References

1. Goethe J.W. *Selected Works*. In 2 vols. Vol. 2. Moscow, 1985 (in Russian).
2. Zhirmunsky V.M. *Gete v russkoy literature* [Goethe in Russian Literature]. Leningrad, 1982.

3. Israpova F. Ob epigrafe stikhotvoreniya M.Yu. Lermontova “Oni lyubili drug druga tak dolgo i nezno...”: Poeticheskiy perevod kak forma osushchestvleniya “poezii poezii” [Epigraph to M.Yu. Lermontov’s Poem “They Were Both in Love ...”: Poetic Translation as a Form of “Poetry of Poetry”]. *Poetika zaglaviya* [Poetics of the Title]. Tver, 2005.

4. Lermontov M.Yu. *Collected Works. In 6 vols. Vol. 2. Poems. 1832–1841*. Moscow, Leningrad, 1954 (in Russian).

5. *Russkaya literatura XVIII veka* [Russian Literature of the 18th Century]. Comp. by Makogonenko G.P. Leningrad, 1970.

Nikolaev Nikolay Ippolitovich

Humanitarian Institute, Severodvinsk Branch of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
(Severodvinsk, Russia)

Shvetsova Tatyana Vasilyevna

Humanitarian Institute, Severodvinsk Branch of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
(Severodvinsk, Russia)

ON THE ACCURACY OF TRANSLATION (“They Were Both in Love ...” by M.Yu. Lermontov)

The authors focus on M. Lermontov’s translation of the poem “Sie liebten sich beide, doch keiner...” by J.W. Heine. The motives underlying deviations from the meaning in Heine’s original have often been studied by literary criticism. No clear explanation has yet been found, however. The authors believe that both Heine’s poem and its translation made by Lermontov are based on “reader’s disappointed expectations”. It is this literary device that creates the inner tension of the Russian and German texts. Still, the nature of “expectation” in the Russian religious and cultural context differs from that which was meant by Heine.

Having compared the ideas of eternal life in the texts by Heine and Lermontov’s predecessors – Goethe and Karamzin, – we conclude that Lermontov changed the meaning of the original intentionally and the differences between the Russian translation and Heine’s original are caused by deeply rooted mentality traits.

Keywords: Russian literature, German literature, comparative literature studies, Lermontov, Heine, Karamzin, Goethe, mentality, character.

Контактная информация:

Николаев Николай Ипполитович

адрес: 164500, г. Северодвинск, ул. Карла Маркса, д. 36;

e-mail: nikolay.nick2012@yandex.ru

Швецова Татьяна Васильевна

адрес: 164500, г. Северодвинск, ул. Карла Маркса, д. 36;

e-mail: tavach@atnet.ru

Рецензент – *Исаев С.Г.*, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого